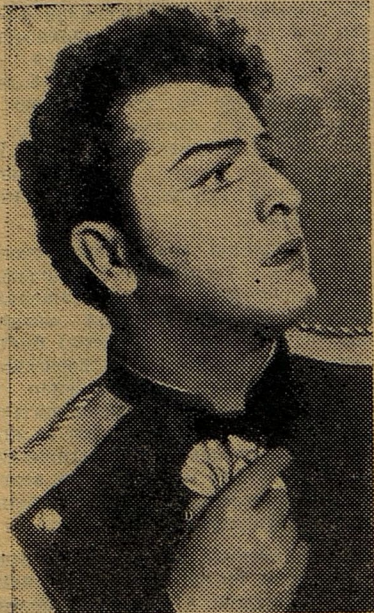

"Сов. артист" № 15. М. 14 апр. 1978

Открытое письмо Зурабу Анджапаридзе

Дорогой друг, дорогой Зураб! Поздравляю тебя с днем твоего рождения! Юбилей! Даже странно — неужели уже 50 лет! А в

З. Анджапаридзе — Хозе («Кармен»).

памяти, памяти недалеких, но, увы, так быстро пролетевших лет — будто 25! Как странно устроен человек! Он работает, радуется, огорчается, растет в своем творчестве и не ценит, что все это — и неудачи, и огорчения, и восторги, и разочарования — все это молодость, жизнь, цветущая жизнь, которая, увы, очень быстро проходит.

Вот ты первый раз на сцене. Ты поешь в спектакле «Кармен» — стройный, красивый, очень музыкальный, корректный; вот ты сидишь на спектакле «Ее падчерица» — учишь партию Лаци. Но спектакль прошел 8 раз, Фифиал закрыли на ремонт, и ты не успел спеть эту партию.

Вот ты в «Кармен». Первый спектакль в Большом театре ты пел не со мной, но я была на спектакле и слушала, и видела тебя. Ты уже в труппе Большого театра и готовишь партию Радамеса. И потом, как в гору, идет твой образ прекрасного военачальника египтян, ты набираешься сил и легко поешь труднейшую партию. А. Ш. Мелик-Пашаев умел проводить репетиции как праздник, к которому надо было быть в форме: и распетым, и хорошо одетым. А. Мелик-Пашаев от удовлетворения и радости приподнимается на стуле во время спевки «Аиды», он счастлив: у него прекрасный состав «Аиды», состав, которого он так долго ждал. Как он счастлив и ласков с тобой на спевках. У тебя так все хорошо получается, и кажется, что нет трудностей.

А Хозе? Я помню нашу совместную репетицию и мои просьбы. Очень хотелось, чтобы некоторые мизансцены, приобретенные во время выступления в этом спек-

такле Дель Монако, остались на сцене Большого. Помню третий акт «Кармен», где ты был, как птица-сокол, ты в ярости мог сбить с ног свою партнершу. А как звучал голос! Он словно вырос, окреп, стал угругим, мизансцены отшлифовались, музыкальный рисунок точен, текст выверен без свободных привносных фраз, кроме одной: «Арестуйте меня, пред Вами Хозе Наварра». Я не видела тебя со стороны — ведь почти все спектакли «Кармен» до твоего внезапного отъезда из театра я пела с тобой.

Но вершиной твоих работ я считаю Германа: образ эмоциональный, горячий, умный, нервный, музыкально и вокально совершенный. Пускай не обидятся на меня тенора — до образа Германа им еще надо расти.

Жаль, что ты мало пел Дмитрий Самозванца.

З. Анджапаридзе — Радамес («Аида»).

«Дон Карлос». Успех премьеры, твой отчаянный порыв в конце 1-го акта и верхняя нота, с которой ты убежал со сцены под бурю горячих аплодисментов 6-тысячного зала КДС! Я как сейчас все вижу (ведь это был единственный момент, когда я присутствовала на сцене невидимая зрителям, перед выходом на сцену).

Невозможно было оставаться равнодушным к твоему Дон Карлосу!

Мне было всегда спокойно, удобно петь и играть с тобой. Ты прекрасный, редкий партнер, надежный, горячий и верный.

Все годы работы в Большом театре — лучшие годы твоего творчества — ты был и остался любимым артистом, любимым своими коллегами и товарищами в коллективе. Вокруг тебя всегда был народ, особенно молодежь, шутки, смех! И теперь, как

только ты приезжаешь на спектакли, тебе все рады. Ты это знаешь. Только очень, очень жаль, что ты ушел из Большого в расцвете сил.

Я уже писала тебе свое недоумение и ужасное огорчение, когда во время гастролей театра в Японии все поняли, что тебя нет в труппе. Срочно вводятся исполнители в «Пиковую даму». И вопрос, который у всех на устах: А где же Зураб, почему его нет, неужели он действительно ушел из театра? Как же его могли отпустить? Сколько добрых, прекрасных слов, сколько похвал и сколько искреннего огорчения, что тебя нет с нами!

Теперь ты живешь в Тбилиси. Мы встречаемся не часто. Но это не отдаляет нас друг от друга, а, наоборот, — ведь огромный кусок творческой жизни мы прошли и прожили вместе на сцене Большого театра. С годами отчетливее отделяешь главное, понимаешь, что мы с тобой сами были участниками событий, многое не замечалось и тогда, казалось, не было таким значительным.

Молодые певцы, хоть подчас и вредные на язык, но многое слышат: и как ты поешь, точно или нет, и как звучишь, и есть ли у тебя умение или только природа. И сторука могут все раскритиковать, а когда наберутся опыта и ума, начинают понимать, что петь на сцене Большого театра — очень трудно, а петь много и весь ведущий репертуар — во сто крат труднее, а петь десятки лет — это уже высший пи-

З. Анджапаридзе — Герман («Пиковая дама»).

лотаж! Ты им обладал и обладал.

Поздравляю тебя с днем рождения, дорогой мой товарищ, друг и партнер Зураб. Поздравляю и желаю крепкого здоровья, успехов, счастья, всего того, что я всегда желала тебе и раньше. И, конечно, долгого звучания.

Ирина АРХИПОВА.